

— Я этого не понимаю.

И уже сам думаешь, что всё это глупости: и скейтборды, и компьютерные игры, и брейк-данс, и граффити, и панк-музыка, и электронная музыка, и поп-музыка. И вообще всякая музыка, кроме классической и «старого доброго рока».

А Тёма любит музыку просто как таковую. Неважно, играет её дядька на саксофоне или выстукивает дятел в лесу. Он везде слышит ритм и сразу начинает двигать головой в такт. Воспитательница в саду сказала, что у Тёмы необыкновенное чувство этого самого ритма. Родителям даже пришлось купить ему ксилофон, бубен, маленький барабан и дудочки.

Тёма любит, когда мы с ним вдвоём играем в оркестр. Он говорит:

— А давай я буду на барабане, а ты на бубне.

И потом:

— А теперь я буду на бубне, а ты на ксилофоне.

— А теперь я буду на ксилофоне, а ты на дудочках.

Играть в это Тёма может бесконечно. Или пока не придёт папа и не станет приставать к нему с цифрами или ранним обучением счёту. К цифрам Тёма совершенно равнодушен. Максимум,

чего удалось добиться папе, — это того, что Тёма полюбил цифру 4. Она, по его мнению, похожа на жирафа. Остальные цифры никого не напоминают, а значит, интереса не представляют. Развитие Тёмы идёт не по папиному плану. Со мной-то было всё легко. Из-за этого родители посчитали, что они крутые педагоги. Вот смотрите — Ваня считает с трёх лет, читает с четырёх, а с пяти собирает роботов из подручного материала. На самом деле я просто оказался с их, родительской, планеты. Что-то типа Нептуна, где холодно и спокойно. А Тёма — с Меркурия или даже с Венеры. Минус 226 у нас и плюс 464 градуса у него — есть кое-какая разница.

С мамой у нас раньше было много интересных дел. Например, мы пекли печенье. Или считали на прогулке жёлтые машины. Или собирали головоломки. А ещё мы писали друг другу записки и подсовывали под дверь. Я просыпался утром, а меня у двери ждёт записка: «Выпал снег! Пойдём лепить снеговика?» Или я маме оставлял записку в шкафу: «Сколько нулей в триллионе?»

Когда родился Тёма, маме стало не хватать времени ни на записки, ни на печенье. А когда Тёма немного подрос, она взялась за диссертацию.

Тут мы и с прогулками попрощались. Сколько жёлтых машин не посчитано. Сколько снеговиков не слеплено.

Вообще, я бы не подумал, что с нашей семьёй что-то не так. Если бы не Тёма. А ещё если бы не Лиза. Потому что у неё дома всё по-другому.

Лизу родители растят творческой личностью. Поэтому Лиза поёт в хоре, рисует в художке, играет на фортепиано, гитаре и флейте, поёт и танцует ирландские танцы. Получается у Лизы всё это здорово, но в учёбе у неё полный швах. Который почти не волнует ни её, ни её родителей. Если Лиза получает тройку, все облегчённо вздыхают. Если каким-то чудом приносит четвёрку — мама готовит торт. Торты у Лизиной мамы очень вкусные. Родители Лизы говорят:

— Главное, чтобы ты была счастливая.

Счастливая Лиза путает деление и умножение и почти с удовольствием пишет слова с ошибками. «Белки забролись на вершину ели».

Мои родители говорят:

— Главное, чтобы ты был ответственным.

Ответственный я мечтаю о каком-нибудь безответственном поступке. Например, не выучить уроки. Или принести домой гитару.

Лизины и мои родители дружили, когда мы были совсем маленькими. Но потом они почему-то перестали общаться. А мы дружим до сих пор.

Я прихожу к Лизе отдыхать, решать за неё задачи по математике и играть в приставку «Денди». Это такая классная олдскульная видеоигра. Лиза её отыскала в кладовке. У меня-то дома никаких видеоигр нет вовсе, так что и эта старинная меня очень веселит. Марио прыгает, утки разлетаются, закат полыхает.

У Лизы есть любимое слово, оно же слово-паразит, оно же, как Лиза его называет, «моё словечко». Лиза говорит: «бешеная музыка», «бешеные джинсы» и даже «бешеные макароны». Её любимая группа так и называется — «Бешеные кролики». Эти кролики поют громко и отчаянно. Такие, например, слова:

Грязные ботинки, грязные кеды,
Мой характер скверный мне приносит беды,
А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

В январе «Бешеные кролики» дадут в нашем городе концерт. Лизе удалось раздобыть билет, и она просто счастлива. Бешено счастлива.

Мне «Кролики» не особо нравятся. Зато нравятся «Кино» и «Битлз». Лиза меня научила немного

играть на гитаре. Это оказалось очень круто. Когда пальцы бьют по струнам, музыка сначала вибрирует на пальцах, а потом пробирается внутрь. С тех пор как на пальцах завибрировала музыка, мне ещё меньше стали нравиться олимпиады.

— А давайте мы все пойдём в магазин за игрушками, а потом домой.

Гениальный план, которому не суждено сбыться.

Тёма обречённо натягивает шапку, позволяет замотать его шарфом и натянуть сапоги, берёт в одну руку фонарик, а в другую — игрушечный молоток. Сначала папа водил его в сад за руку. Но когда выпал снег, стал возить на санках. Я выглядываю в окно и вижу: сквозь утреннюю мглу папа тянет санки за верёвку. Тёма сидит в них, держа в одной руке молоток, в другой — фонарик.

Неделю спустя папа вёз Тёму из сада в метель. Когда они пришли домой, мама долго стряхивала с них снег, потом мы все вместе вытирали лужи, и в этой суете никто не заметил, что в одной руке Тёма держал фонарик. А во второй ничего не держал. И сам Тёма этого не заметил. И вообще почему-то понял это только наутро, когда, уже одетый в сад, взял в одну руку фонарик.

А во вторую... В общем, сначала мы обыскали весь дом, потом папа отправился искать молоток на улице, но где его там найдёшь. Всё давно замело снегом. Мне уже надо было бежать в школу. А родители повели зарёванного Тёму на новогодний утренник.

Меня не было на утреннике, но родители показали мне видео и фотографии. Тёму нарядили в костюм льва. И это был самый грустный лев на свете. В лапе он держал фонарик. Вторая лапа одиноко и обречённо дирижировала детскими песенками. Даже в такой ситуации Тёма не мог не радоваться музыке. Мне стало его настолько жалко, что я решил раздобыть молоток любыми путями. Сначала я, конечно, обыскал дорогу, по которой Тёму возят в сад. Даже в сугробах порылся. Но всё было безуспешно. Возможно, молоток присвоил себе другой трёхлетка на санках — настоящий любитель ремонта, а не как Тёма. Потом мы с Лизой оббежали восемь магазинов в поисках такого же молотка. Но и здесь нас ждал полный провал. Я собирался засесть за поиск в интернете, но Лиза меня опередила.

— Нашла! — Она позвонила поздно вечером. — Прямо точно как наш. Но надо к 44-й школе идти. Там один продаёт как раз такой молоток.

44-я считается неблагополучной. В нашей гимназии всех из 44-й называют буйными. А они нас — неженками-гимназистами. Перспектива встретиться с кем-то из 44-й была так себе, но всё-таки я обрадовался. Пусть даже в глаз получу, зато молоток раздобуду.

— ...Они там, конечно, бешеные!
Но всё равно давай сходим.

— Конечно, пойдём, — сказал я.

А потом вспомнил, что почти в это же время у меня олимпиада. Но я посчитал, что если мы быстро заберём молоток, то пусть с опозданием, но на олимпиаду я успею.

Назавтра в час дня мы стояли под козырьком 44-й школы. Прошло минут двадцать, но никто не появлялся. Наконец показался худющий парень в дутой короткой белой куртке. На голове у него красовался дедморозовский колпак с помпоном. У него был усталый и одновременно довольный вид. Ноги он переставлял лениво, как сонный белый медведь.

— Здравова, — сказал он. — Ну вот, — он достал из кармана куртки пакет. — Полторы тыщи.

— На сайте же было написано пятьсот! — возмутилась Лиза.

– На заборе тоже пишут, – медведь широко и с удовольствием зевнул.

Я обыскал карманы и нашёл ещё только двести рублей. У Лизы тоже было двести.

Я чувствовал себя довольно глупо. Пришёл за какой-то игрушкой. Будто я сам малыш. Ещё и денег не хватает. Из школы вышли несколько парней и крикнули:

– Лёх!

Медведь махнул им рукой, распахнул куртку и засунул пакет во внутренний карман. Тут Лиза как закричит:

– Ты что, «Бешеных кроликов» слушаешь? У тебя на футболке они.

Лёха-медведь на секунду застыл и посмотрел на Лизу:

– Ну. Тебе-то что?

– Хочешь на их концерт в «Железнодорожнике» завтра? Билеты все раскупили давно.

– А у тебя, что ли, есть?

– Что ли есть, – сказала Лиза, полезла в сумку и выудила оттуда билет.

– Ты что? – сказал я. – Не вздумай ему отдавать.

Но Лиза на меня не смотрела. Они с медведем сверлили друг друга глазами. Точнее, Лиза

сверлила Лёху-медведя, а Лёха сверлил билет. У него на щеках даже засиял румянец. Кажется, фанат внутри Лёхи-медведя ради билета требовал бросить к ногам Лизы всё, что у него было. Но внешний Лёха-медведь бдительности не терял.

- Настоящий хоть? Дай гляну?
- Сначала молоток!
- Билет дай посмотреть!
- Молоток доставай!

Сцена из вестерна какая-то. Или из фильма Тарантино.

Лёха наконец сдался и сунул мне молоток. Лиза отдала билет. Медведь внимательно его рассмотрел, просиял, сказал:

- Адьёс!

И пошагал к школе. Намного бодрее, чем шёл к нам.

А мы побежали на остановку. По дороге я никак не мог найти слов. Точнее, я пытался что-то сказать, но получалось какое-то бу-бу-бу:

- Ну... Лиз... Ну ты это... Зачем? Ну ты... даёшь...
- Ой, ерунда, – отмахнулась Лиза.

Мы добежали до остановки, я всё ещё хотел что-то сказать, но тут подъехал Лизин автобус, она запрыгнула на подножку и оттуда крикнула: